

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ПУСТОЙ ДОМ

Весной 1894 года весь Лондон был взбудоражен — а высший свет потрясен — убийством почтенного Рональда Адэра, произошедшим при крайне странных, необъяснимых обстоятельствах. Те подробности преступления, которые выплыли на свет при полицейском расследовании, публике уже знакомы, но многое обнародовано не было, поскольку обвинение, в избытке располагая доказательствами, предъявило лишь часть имевшихся фактов. И только сейчас, по прошествии почти десяти лет, мне позволено восполнить недостающие звенья этой поразительной цепочки событий. Преступление, о котором идет речь, любопытно и само по себе, но для меня оно примечательно прежде всего своими невообразимыми последствиями; за всю мою полную приключений жизнь со мной не случилось второй такой встряски. Минуло уже немало времени, но и теперь, вспоминая об этих событиях, я заново переживаю прилив восторженного, недоверчивого изумления, которое вытесняет все прочие чувства. Позвольте мне заверить читателей, проявивших некоторый интерес к эпизодическим заметкам, в которых я бегло обрисовал мысли и поступки одного очень неординарного человека: если я не ознакомил их с тем, что мне открылось, в том нет моей вины; я счел бы это своей первой обязанностью, когда бы не решительный запрет из его собственных уст, снятый лишь третьего числа прошлого месяца.

Разумеется, за годы тесного знакомства с Шерлоком Холмсом я очень увлекся детективными загадками и после его исчезновения продолжал внимательно следить за всеми рассле-

дованиями, о которых сообщали в печати. Неоднократно я даже пытался, ради собственного удовольствия, прилагать его методы, но без особого успеха. Но ни одно из дел не затронуло меня так сильно, как трагедия Рональда Адэра. Изучая свидетельства, побудившие коронерское жюри вынести вердикт: «Преднамеренное убийство, совершенное неизвестным лицом или же лицами», я как никогда ясно осознал, какую потерю понесло общество со смертью Шерлока Холмса. Я не сомневался, что иные детали этого странного дела нуждались именно в его оценке; первейший сыщик Европы, с его наметанным глазом и острым умом, мог бы не только содействовать полиции, но и пойти дальше, чем она. Весь день, объезжая пациентов, я обдумывал это дело, но не смог изобрести ни одной хоть сколько-нибудь убедительной версии. Рискую тем, что пересказываю давно всем известное, изложу тем не менее все факты, обнаруженные к концу дознания.

Достопочтенный Рональд Адэр был вторым сыном герцога Мейнутского, в ту пору служившего губернатором одной из австралийских колоний. Мать Адэра возвратилась из Австралии, чтобы пройти операцию по удалению катаракты, и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой проживала на Парк-лейн, в доме 427. Юноша вращался в высшем обществе; насколько известно, не имел врагов и не был подвержен порокам. Он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстерза, но несколько месяцев назад обрученные согласились расстаться, и нет свидетельств того, что Рональда Адэра это особенно огорчало. В остальном он вел тихую, ничем не примечательную жизнь, соответствующую его спокойному, кроткому нраву. И, однако же, вечером 30 марта 1894 года, в промежутке от десяти часов до двадцати минут двенадцатого, этого юного аристократа, такого добродушного и безобидного, настигла чрезвычайно странная и неожиданная смерть.

Рональд Адэр любил карты — играл постоянно, но чувствительными для себя суммами никогда не рисковал. Он был членом игорных клубов «Болдуин», «Кавендиш» и «Багатель». В последнем из них, как выяснилось, он в день своей смерти сыграл после обеда роббер виста. Днем его тоже видели за игрой. Из свидетельств его партнеров — мистера Мар-

ри, сэра Джона Харди и полковника Морана — следует, что играли в вист и везло всем примерно одинаково. Адэр проиграл фунтов пять, не больше. Владея немалым состоянием, он, конечно, никак не мог расстроиться из-за такого пустяка. Он почти каждый день бывал в клубах, но играл осмотрительно и обычно оставался в выигрыше. Согласно свидетельствам, за несколько недель до того Адэр в паре с полковником Мораном выиграл у Годфри Милнера и лорда Балморала ни много ни мало четыреста двадцать фунтов за партию. Вот и все предшествовавшие убийству обстоятельства, какие выявило следствие.

В вечер убийства Адэр вернулся из клуба ровно в десять. Мать с сестрой были в гостях у родственников. Горничная показала, что слышала, как он входил в парадную комнату на третьем этаже, обычно служившую ему гостиной. Горничная разожгла там камин, потянуло дымом, и она оставила окно открытым. До двадцати минут двенадцатого, когда вернулись леди Мэйнот с дочерью, из комнаты не доносилось ни звука. Мать пошла пожелать сыну спокойной ночи. Оказалось, что дверь заперта изнутри, на крики и стук отклика не последовало. Призванные на помощь слуги взломали замок. Несчастный молодой человек лежал у стола. Голова его была страшно изуродована револьверной пулей дум-дум, однако никакого оружия в комнате не нашлось. На столе были обнаружены две банкноты по десять фунтов и семнадцать фунтов десять шиллингов серебряными и золотыми монетами, разложенными на несколько неравных столбиков. Тут же находился лист бумаги, исписанный цифрами, напротив которых значились фамилии приятелей по клубу, из чего был сделан вывод, что Адэр перед смертью подсчитывал свои проигрыши и выигрыши.

Подробное изучение обстоятельств не прояснило, а еще больше запутало дело. Прежде всего осталось непонятным, почему молодому человеку вздумалось запереть дверь изнутри. Не исключали, что это сделал убийца, который затем выбрался наружу через окно. Однако расстояние до земли составляло все двадцать футов, а внизу на клумбе цвели крокусы. Ни цветы, ни земля не были потревожены; на узком га-

зоне, разделявшем дом и дорогу, тоже не виднелось отпечатков. Очевидно, дверь мог запереть только сам юноша. Но как он был убит? Забраться в окно и не оставить следов было невозможно. Предположим, кто-то стрелял через окно, но в таком случае как он ухитрился причинить такое страшное ранение с помощью револьвера? Опять же, Парк-лейн — улица оживленная, в ста ярдах от дома находится извозчичья биржа. Выстрела тем не менее никто не слышал. И все же — вот покойник, и вот пуля, вывернутая наподобие гриба, что характерно для полуболобочечных пуль; смерть от нее наступила, конечно же, мгновенно. Такова была загадка дома на Парк-лейн, усложненная еще и полным отсутствием мотива: как я уже сказал, юный Адэр, насколько было известно, не имел врагов, а что касается денег и ценностей, то они остались на месте.

Весь день я прокручивал в уме эти факты, пытаюсь изобрести теорию, которая вместила бы в себя их все, и разыскивая линию наименьшего сопротивления, — с нее мой бедный друг рекомендовал начинать любое расследование. Признаюсь, мои старания не увенчались успехом. Вечером я прогуливался по Гайд-парку и часам к шести оказался на Парк-лейн — в том конце, что примыкает к Оксфорд-стрит. Увидев зевак, пялившихся с панели на какое-то окно, я понял, что передо мной тот самый дом. Высокий худой мужчина в темных очках (как я заподозрил, полицейский сыщик в штатском платье) излагал им свою версию убийства; остальные слушали, тесно его обступив. Я протиснулся поближе, но его рассуждения показались мне совершенно нелепыми, и я в раздражении стал выбираться из толпы. При этом я толкнул скрюченного старика, стоявшего сзади, и тот уронил на землю бывшие при нем книги. Помню, когда я их подбирал, мне бросился в глаза заголовок: «Происхождение культа деревьев», и я подумал, что передо мной небогатый библиофил, который то ли торгует редкими книгами, то ли их собирает. Я попытался извиниться, но было очевидно, что томики, которые я имел несчастье уронить, были уж слишком ценны для владельца. Презрительно фыркнув, он развернулся на каблуках, и его сутулая спина и седые бакенбарды тут же затерялись в толпе.

Осмотр номера 427 по Парк-лейн не помог разрешить томившую меня загадку. От улицы дом отделяла низкая стена с решеткой общей высотой не более пяти футов. Проникнуть в сад ничего не стоило, но до окна не добрался бы и самый ловкий верхолаз: ни водосточной трубы, ни какой-либо иной опоры поблизости не было. Запутавшись еще больше прежде, я возвратился к себе в Кенсингтон. Я не пробыл в одиночестве и пяти минут, как в кабинет вошла горничная, чтобы доложить о посетителе. К моему изумлению, им оказался не кто иной, как давешний чужак, собиратель старинных книг; его морщинистое остроносое лицо окружал ореол седых волос, под мышкой было зажато не меньше дюжины драгоценных томов.

— Вы удивлены, сэр, моим появлением, — проговорил он странным хриплым голосом.

Я признал, что да.

— Я, сэр, человек совестливый; вы вошли в этот дом, а я случайно ковылял вслед за вами и подумал: не посетить ли этого любезного джентльмена и не сказать ли ему, что я вел себя не совсем учтиво, но не хотел его обидеть и я премного ему обязан за то, что он помог мне поднять книги.

— Не стоит придавать значение такой мелочи, — отозвался я. — Можно вас спросить, откуда вы узнали мое имя?

— Что ж, сэр, осмелюсь сказать, я прихожусь вам соседом — владею книжным магазинчиком на углу Черч-стрит и очень рад с вами встретиться. Может, сэр, вы и сами библиофил? Вот «Птицы Британии», Катулл, «Священная война», — какую ни возьми, в накладе не останетесь. Вот туда, на вторую полку, встало бы еще пять томов. А то ведь пустое место режет глаз, разве не так, сэр?

Я оглянулся на шкаф. Повернувшись обратно, я увидел Шерлока Холмса, который стоял по ту сторону письменного стола и улыбался. Я вскочил на ноги, изумленно уставился на него, а потом, должно быть в первый и последний раз в жизни, лишился чувств. Перед моими глазами и правда завихрился серый туман, а когда пелена рассеялась, я обнаружил, что воротничок у меня расстегнут, а на губах ощущается колкое послевкусие бренди. Над моим креслом склонялся Холмс, в руке у него была фляжка.

— Дорогой Ватсон, — произнес хорошо знакомый голос, — простите, ради бога. Я не предполагал, что вы так разволнуетесь.

Я схватил его за руки.

— Холмс! Это вправду вы? Вы живы — как такое возможно? Неужели вам удалось выбраться из этой страшной бездны?

— Погодите-погодите, — отозвался он. — Вы уверены, что уже оправались и готовы разговаривать? Зря я напугал вас этой театральной сценой.

— Я жив-здоров, Холмс, но, право, не могу поверить собственным глазам. Боже милостивый! Подумать только, я вижу у себя в кабинете не кого-нибудь, а вас! — Я снова схватил Холмса за рукав и нащупал под тканью его худую жилистую руку. — Ну да, вы не привидение, а живой человек. Дружище, как же я счастлив! Садитесь и расскажите, как вы спаслись из этой ужасной пропасти.

Холмс уселся напротив меня и привычными небрежными движениями зажег папиросу. На нем был потертый сюртук книготорговца, но прочие атрибуты этого персонажа — седые волосы и старые книги — громоздились на столе. Холмс похудел, глаза его смотрели еще острее, чем прежде, а лицо с орлиным носом приобрело мертвенно-бледный оттенок — свидетельство того, что в последнее время он вел не слишком здоровый образ жизни.

— Какое это счастье, Ватсон, наконец вытянуться во весь рост! Несколько часов кряду прикидываться, что ты на целый фут ниже, — для высокого человека испытание тяжелое. Что до объяснений, дорогой друг... если вы готовы мне помочь, нам обоим предстоит в этот вечер нелегкая и опасная работенка. Так что, наверное, будет лучше с нее и начать, а уж потом я ознакомлю вас с положением дел.

— Меня донимает любопытство. Хотелось бы послушать прямо сейчас.

— Согласны этим вечером отправиться со мной?

— Когда и куда вам угодно.

— Совсем как в старые дни. Но до отъезда у нас остается время, чтобы основательно подкрепиться. Что ж, тогда о про-

пасти. Мне не потребовалось особых усилий, чтобы из нее выбраться, по той простой причине, что я туда не падал.

— Не падали?

— Не падал, Ватсон. Я ничуть не кривил душой, когда писал вам записку. Когда передо мной, на узкой тропе к спасению, возникла зловещая фигура покойного профессора Мориарти, трудно было усомниться в том, что моя карьера подошла к концу. В его серых глазах читалась неумолимая решимость. Мы обменялись фразой-другой, и он дал мне любезное позволение написать те несколько слов, которые попали к вам в руки. Оставив записку вместе с портсигаром и альпенштоком, я двинулся по тропе; Мориарти следовал за мной по пятам. Когда я достиг края, деваться было некуда. Мориарти не вытащил оружия, но набросился на меня и стиснул своими длинными ручищами. Он знал, что его игра окончена, и жаждал только одного — мести. Мы балансировали у края водопада. Я, однако, владею основами японской борьбы баритсу, которая не единожды меня выручала. Мне удалось выскользнуть из его рук; профессор с душераздирающим криком, хватаясь за воздух, отчаянно пытался восстановить равновесие, но не удержался и свалился в пропасть. Свесившись над кромкой, я проследил его долгое падение. Тело ударилось о скалу, отскочило и с плеском скрылось под водой.

Я с изумлением слушал рассказ Холмса, перемежаемый глубокими затычками.

— Но следы! — вскричал я. — Я видел собственными глазами: в ту сторону вели две цепочки следов, в обратную — ни одной.

— Было вот как. В тот миг, когда профессор скрылся из виду, меня осенило: судьба дарует мне воистину неопределимый шанс. Я знал, что Мориарти не единственный, кто желает моей смерти. Оставались еще по крайней мере трое, и с гибелью предводителя у них появится дополнительный повод жаждать мести. Все они крайне опасны. Не один, так другой непременно до меня доберется. С другой стороны, если все будут думать, что меня нет в живых, эти трое забудут об осторожности, вскоре выдадут себя и рано или поздно я их уни-

чтожу. Тогда придет время объявить, что я по-прежнему пребываю на земле живых. Мозг мой соображал так быстро, что решение созрело, наверное, еще до того, как профессор Мориарти достиг дна Райхенбахского водопада.

Я выпрямился и повернулся, чтобы осмотреть скалу. В вашем ярком и выразительном отчете, который я с интересом прочитал несколькими месяцами позднее, утверждается, будто она представляет собой отвесную стену. Это не совсем так. Там имеется несколько выступов, куда встанет нога, и даже подобие карниза. Скала высокая, о том, чтобы вскарабкаться на самый верх, нечего было и думать; точно так же не было возможности вернуться по влажной тропе и не оставить следов. Правда, я мог бы, как уже делал в таких случаях, привязать ботинки к ногам задом наперед, но три следа, ведущих в одном направлении, явно говорили бы, что здесь что-то не так. В общем, лучшим выходом было решиться на рискованный подъем. Затея, скажу я вам, Ватсон, была не самая приятная. За спиной у меня шумел водопад. Я не страдаю избытком воображения, но, клянусь, мне слышался голос Мориарти, окликавший меня из бездны. Малейшая ошибка могла привести к роковому исходу. Несколько раз, не сумев удержать в руке пучок травы или оскользнувшись на мокром камне, я мысленно прощался с жизнью. Но все же я продвигался и в конце концов дополз до карниза, заросшего мягким мхом. Глубина его составляла несколько футов, и там можно было незаметно и вполне удобно устроиться. Там я и лежал враспыху, пока вы, дорогой Ватсон, и все, кто явился затем, с самыми благими чувствами, но не самыми эффективными способами расследовали обстоятельства моей гибели.

Придя наконец к неизбежным и совершенно ошибочным выводам, все вернулись в отель, и я остался один. Мне казалось, что на том мои приключения закончились, но неожиданное происшествие убедило меня в том, что сюрпризы еще не исчерпаны. Мимо меня с грохотом пролетел гигантский камень, упал на тропу и скатился в пропасть. Сначала я подумал, что это случайность, но, подняв глаза, заметил на фоне темнеющего неба чью-то голову. Следующий камень пришелся по самому карнизу, где я лежал, и едва не задел мою

голову. Что это значило, было понятно. Мориарти явился не один. Пока профессор пытался со мной расправиться, его сообщник (причем сообщник опасный: чтобы убедиться в этом, мне хватило одного взгляда) стоял на страже. Со стороны, незаметно для меня, он наблюдал, как встретил свой конец его товарищ и как спасся я. Он выжидал, а потом, добравшись кружным путем до вершины скалы, попытался довершить то, что не удалось профессору Мориарти.

Но долго раздумывать, Ватсон, не приходилось. Наверху снова показалось то же мрачное лицо, и я понял, что нового камня ждать недолго. Я сполз обратно на тропу. Вряд ли я бы справился с этой задачей при более спокойных обстоятельствах. Путь вниз оказался стократ труднее, чем вверх. На мысли об опасности не оставалось времени: пока я висел, уцепившись за край карниза, в воздухе просвистел еще один камень. На полпути я поскользнулся, но, слава тебе господи, приземлился, исцарапанный до крови, точно на тропу. Я припустил со всех ног, одолел в темноте десяток миль по горной местности, а неделей позже был уже во Флоренции, уверенный, что никто на свете не знает о моей судьбе.

Я доверился одному-единственному человеку — моему брату Майкрофту. Должен просить у вас прощения, дорогой Ватсон, но вам непременно следовало думать, что я умер; отчет о моей несчастной кончине ни за что не получился бы таким убедительным, если бы вы сами в нее не верили. За последние три года я не раз брался за перо, чтобы вам написать, но мне мешало опасение, что ваша дружеская ко мне привязанность подтолкнет вас к какому-нибудь неосторожному шагу, отчего моя тайна будет раскрыта. Вот почему я отвернулся от вас этим вечером, когда вы уронили мои книги: в то время мне грозила опасность, и, если бы вы удивились или взволновались, враги обратили бы на меня внимание и последствия были бы самые печальные. Что до Майкрофта, то мне пришлось ему открыться, так как я нуждался в деньгах. Дела в Лондоне пошли не так хорошо, как я рассчитывал; после суда над шайкой Мориарти два самых опасных ее участника, ненавидящие меня и жаждущие мести, остались на свободе. Потому я странствовал два года в Тибете.

те, посетил из любопытства Лхасу, провел несколько дней с верховным ламой. Возможно, вам довелось читать о примечательных исследованиях одного норвежца, по фамилии Сигерсон, но вы, конечно, не догадывались, что получили вести о своем друге. Потом я пересек Персию, осмотрел Мекку, наведался ненадолго к халифу в Хартум — и о небезынтересных результатах этого визита сообщил в Министерство иностранных дел. Вернувшись во Францию, я несколько месяцев провел на юге, в Монпелье, где изучал в лаборатории продукты каменноугольной смолы. Получив удовлетворительные результаты и узнав, что в Лондоне остается только один из моих противников, я стал собираться домой, и тут меня поторопили новости о загадочном убийстве на Парк-лейн. Дело заинтересовало меня не только само по себе, но и некоторыми особыми возможностями, которые могли мне открыться при его расследовании. Я тотчас приехал в Лондон и собственной персоной явился на Бейкер-стрит, где поверг в жесточайшую истерику миссис Хадсон, а также убедился, что Майкрофт сохранил в полной неприкосновенности как помещение, так и мои бумаги. Вот так, дорогой Ватсон, и получилось, что сегодня в два часа пополудни я оказался в своей прежней комнате, в старом кресле, и мне осталось желать только одного: чтобы соседнее кресло занял мой старый друг Ватсон, столь часто украшавший его в былые дни.

Вот такой примечательный рассказ довелось мне выслушать тем апрельским вечером — рассказ, который показался бы совершенно невероятным, если бы он не подкреплялся присутствием самого Шерлока Холмса, долговязую фигуру, решительное лицо и пронизательные глаза которого я не чаял более увидеть никогда. Каким-то образом он проведал о моей прискорбной утрате и выразил сочувствие не так словами, как тоном.

— Лучшее противоядие от горести, дорогой Ватсон, — это труд, — сказал Холмс, — и на сегодняшний вечер я запас для нас обоих работенку. Если мы добьемся успеха, одно это уже послужит свидетельством, что человек живет на планете не зря.

Тщетно уговаривал я его поведать подробности.

— Вам еще будет что послушать и повидать до наступления утра, — отозвался он. — Нам предстоит обсудить все случившееся за целых три года. Так что удовольствуйтесь пока сказанным, а остальное подождет до половины десятого, когда начнется наше славное приключение с пустым домом.

В указанный час все действительно пошло так, как в старые добрые времена: я сижу рядом с Холмсом в хэнсоне, карман оттянут револьвером, в сердце горит дух приключений. Холмс был холоден, суров и молчалив. Когда по аскетическим чертам моего друга проскальзывали отблески уличных фонарей, я видел, что он сосредоточенно думает: брови его были нахмурены, тонкие губы плотно сжаты. Я не знал, на какую дичь мы будем охотиться в джунглях лондонского преступного мира, но вид главного егеря говорил о том, что авантюра нам предстоит нешуточная. Временами его мрачное лицо оживляла сардоническая улыбка, не сулившая ничего доброго тому, кого мы выслеживали.

Я думал, мы направляемся на Бейкер-стрит, но Холмс остановил кэб на углу Кавендиш-Сквер. Я заметил, что, выйдя из кэба, он очень внимательно огляделся и так же поступал на каждом углу, дабы убедиться, что за нами не следят. Мы следовали самым причудливым маршрутом. Холмс превосходно знал все лондонские закоулки, и в тот день он стремительно и уверенно шагал по лабиринту конюшен и извозничьих дворов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую дорогу меж старых мрачных домов, которая привела нас на Манчестер-стрит и далее на Блэндфорд-стрит. Тут он проворно нырнул в тесный проезд, миновал деревянную калитку, пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь незнакомого дома. Мы вошли, и Холмс запер за нами дверь.

Внутри стояла непроглядная темень, но я догадывался, что это пустой дом. Под ногами скрипели и стонали голые доски пола; касаясь вытянутой рукой стены, я нащупывал ключья обоев. Сомкнув холодные тонкие пальцы на моем запястье, Холмс вел меня по длинному коридору, пока во мраке не прорисовалось тускло освещенное окошко над дверью. Тут Холмс внезапно повернул направо, и мы очутились в про-

сторной пустой комнате. Углы ее были затенены, но в центр падали слабые отсветы уличных фонарей. Фонари располагались далеко, окно густо заросло грязью, и мы едва различали друг друга. Мой спутник тронул меня за плечо и шепнул мне на ухо:

— Знаете, где мы находимся?

— Это Бейкер-стрит, — ответил я, взглядываясь в мутное стекло.

— Именно. Мы в Кэмден-Хаусе, который стоит напротив нашего старого обиталища.

— Но что нам здесь нужно?

— Отсюда прекрасно виден наш живописный особняк. Можно попросить вас, дорогой Ватсон, подойти ближе к окну, но так, чтобы вас не заметили снаружи, и бросить взгляд на наше старое жилище — отправную точку столь многих ваших побасенок? Посмотрим, не утратил ли я за эти три года способность устраивать вам сюрпризы.

Пригнувшись, я сделал несколько шагов вперед, поглядел на знакомое окно и не сдержал возгласа изумления. Штора была опущена, комната залита ярким светом. На светлом фоне окна четко прорисовывалась тень человека, сидевшего в кресле. Та самая посадка головы, те самые квадратные плечи, узкое лицо с острым носом. Фигура сидела вполоборота, и вся картина напоминала черный силуэт, как и наши деды любили вставлять в рамки. Это было точное подобие Холмса. Я был так поражен, что вытянул руку — пощупать, вправду ли Холмс стоит рядом. Он трясся от беззвучного смеха.

— Ну? — спросил он.

— Боже правый! — воскликнул я. — Чудеса, да и только.

— Так, значит, моему разнообразью нет конца: пред ним бессильны возраст и привычка. — В голосе Холмса слышались радость и гордость художника, любующегося собственным творением. — Вылитый я — не так ли?

— Я бы поклялся, что это вы собственной персоной.

— Автор скульптурного подобия — мсье Оскар Менье из Гренобля, работа заняла несколько дней. Это восковый бюст. Все прочее я устроил сегодня днем, побывав на Бейкер-стрит.

— Но зачем?

— Затем, дорогой Ватсон, что у меня есть все основания желать, чтобы кое-кто думал, будто я сижу дома, в то время как я нахожусь в другом месте.

— Вы думаете, за квартирой следят?

— Я знаю, что за ней следят.

— Кто же?

— Мои старинные враги, Ватсон. Премилое сообщество, предводитель которого покоится на дне Райхенбахского водопада. Вспомните: они единственные знали, что я до сих пор жив. И думали, что рано или поздно я вернусь на старую квартиру. Они вели за ней постоянную слежку и видели, как утром я туда входил.

— Откуда вам это известно?

— Выглянув из окна, я узнал их человека. Это довольно безобидный мальчик, по фамилии Паркер, по роду занятий — душитель; между прочим, мастер игры на варгане. Паркера я ничуть не опасуюсь. Я опасуюсь того, кто за ним стоит, личности куда более грозной, закадычного друга Мориарти. Это один из самых опасных и хитроумных лондонских преступников: именно он швырял в меня камни с вершины скалы. Это он охотится на меня нынешней ночью, не имея понятия о том, что мы сами ведем на него охоту.

Мне постепенно становилось ясно, что задумал мой друг. Из этого удобного укрытия нам предстояло выследить тех, кто выслеживал Холмса. Угловатая тень в окне напротив служила приманкой, а мы были охотниками. Мы молча стояли в тени и наблюдали за сновавшими по улице прохожими. Холмс не произносил ни слова и не шевелился, но я был уверен, что он настрожен и не спускает глаз с уличной толпы. Вечер выдался ненастный, вдоль длинной улицы с пронзительным свистом гулял ветер. В ту и другую сторону спешило много народу, большинство куталось в пальто и шарфы. Раз или два мне казалось, что этого человека я уже видел; особо я приметил двоих, которые как будто прятались от ветра в подворотне отдаленного дома. Я попытался привлечь к ним внимание моего спутника, но тот, нетерпеливо вскрикнув, продолжал наблюдать за улицей. Несколько раз он пе-

реминался с ноги на ногу и постукивал пальцами по стене. Я понимал, что план не сработал, как рассчитывал Холмс, и это начинает его беспокоить. Наконец, когда уже близилась полночь и толпа пешеходов поредела, Холмс в непреодолимом волнении принялся расхаживать по комнате. Я собирался что-то ему сказать, но, подняв взгляд на освещенное окно, поразился чуть ли не больше прежнего. Я схватил Холмса за руку и указал на окно.

— Тень движется! — выдохнул я.

В самом деле, двойник Холмса обращал к нам теперь не профиль, а спину.

За прошедшие три года Холмс не сделался терпимей и не научился мириться с неповоротливостью чужого ума.

— Конечно движется, — бросил он. — Думаете, Ватсон, я настолько прост: соорудил примитивный манекен и жду, что на мою уловку попадутся люди, с которыми мало кто в Европе способен помериться хитроумием? За те два часа, что мы здесь провели, миссис Хадсон успела восемь раз поменять положение фигуры — то есть поворачивала ее каждые четверть часа. Сбоку она не заходит, и ее тени не видно. А!

Холмс шумно втянул в себя воздух. В тусклом свете я разглядел, что он подался вперед и застыл в напряженном ожидании. Улица была абсолютно пуста. Те двое, возможно, по-прежнему стояли в подворотне, но мне их не было видно. Все стихло и погрузилось во тьму, и только напротив сиял желтый прямоугольник с черным силуэтом в центре. И снова в полной тишине раздался свистящий вздох, который свидетельствовал о еле сдерживаемом волнении. Еще миг — и Холмс, зажав мне рот, рывком оттащил меня в самый темный угол комнаты. Руки моего друга дрожали, я никогда не видел его таким взбудораженным, меж тем на темной улице как прежде не было ни души.

И тут я внезапно уловил звуки, которые мой более чуткий спутник расслышал до меня. Тихий, приглушенный стук донесся не с Бейкер-стрит, а из недр того самого дома, где мы прятались. Это открылась и захлопнулась дверь. Спустя мгновение в коридоре послышались крадущиеся шаги; неизвестный ступал осторожно, однако по пустому дому прокатывалось гулкое эхо. Холмс прижался к стене; я, сомкнув пальцы

Содержание

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Пустой дом. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	7
Подрядчик из Норвуда. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	30
Пляшущие человечки. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	55
Одинокая велосипедистка. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	81
Приоратская школа. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	102
Черный Питер. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	135
Чарльз Огастес Милвертон. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	157
Шесть Наполеонов. <i>Перевод С. Сухарева</i>	175
Три студента. <i>Перевод С. Сухарева</i>	198
Пенсне в золотой оправе. <i>Перевод С. Сухарева</i>	217
Пропавший регбист. <i>Перевод С. Сухарева</i>	241
Эбби-Грейндж. <i>Перевод С. Сухарева</i>	265
Второе пятно. <i>Перевод С. Сухарева</i>	290

ИЗ СБОРНИКА «АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА»

Солдат с белым лицом. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	321
Загадка Торского моста. <i>Перевод С. Сухарева</i>	342
Человек на четвереньках. <i>Перевод С. Сухарева</i>	370
Львиная грива. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	393